

Елена Ананьева

Кроны без корней не бывает

Эссе

Семья – семь «я», или Семь поколений... В истории мировой культуры – с выдающимися деятелями литературы и искусства

Веду дальше свою линию «Витражей» по изогнутой дороге судеб. Спонтанных и запрограммированных в пространстве. В витражах нет тени. Каждый цвет-форма живет по своим канонам. Также во времени, не только в пространстве. Узоры жизни. Мозаика дней. Сколотая смальта событий.

Памяти виражи

Почти семейная история. Культурные связи тридцатых годов прошлого века – в проекции биографии моей тетушки Мэри Рассадиной. Под ее огромным портретом в русском кокошнике с жемчугами и камнями, в историях об эмиграции в Китай, КВЖД, эстраде – Александре Вертинском и Клавдии Шульженко – выросла.

Но есть еще предыстория. Она описана ниже. И уходит корнями... в середину девятнадцатого века. Когда Петр Ильич Чайковский писал благодарственные письма скрипачу-виртуозу Адольфу Давидовичу Бродскому (письма хранятся в доме-музее композитора в Клину и не только там), о подвижничестве в исполнении впервые его труднейшего концерта в Вене. Получив отрицательно-заядлую критику, Петр Ильич поддержал музыканта-исполнителя.

Чайковский пишет Бродскому о статье: «...Ганслик весьма остроумно называет мою музыку «вонючей». Только прочтя этот отзыв наиболее авторитетного венского критика, я оценил всю безграничность гражданского мужества, которое Вы выказали, появившись перед венской публикой с моим концертом. Меня это удивляет и трогает в высшей степени. Когда-нибудь, при свидании, я Вам подробно расскажу, как по поводу этого несчастного концерта выказали себя с довольно неблагоприятной стороны некоторые так называемые друзья мои.... Но зато Ваша симпатия к моему концерту неоценимая заслуга, которую Вы оказали мне, поборов все препятствия и исполнив его, – сторицей вознаграждают меня за несколько грустных минут разочарования... Крепко-крепко жму Вашу руку, милый друг; примите самое искреннее и теплое спасибо за Вашу симпатию к моим сочинениям. Я очень, очень ценю ее!!! Искренне любящий Вас, П. Чайковский».

Вижу внутренним взором это письмо, с ятями, старинной кириллицей и архаизмами, бесспорным запахом старой бумаги, истонченной и золоченой временем. Скрипач-виртуоз, профессор и основатель выдающегося камерного оркестра познакомился в Париже с Эдвардом Григом, Сен-Сансом, Сарасате, Тургеневым. В его доме в Германии впервые встретились Чайковский, Брамс и Григ...

Оказалось, благодаря эссе, предложенному вашему вниманию ниже, выдающийся музыкант-исполнитель Адольф Бродский... принадлежит нашей большой некогда, одаренной, высокоинтеллектуальной, выдающейся семье. Или скорее наоборот, мы принадлежим к ней. Ее представители, прямые и косвенные, в разные века оставили неизгладимый след, который можно увидеть и проанализировать сегодня.

А вот как эта находка произошла.

...Несколько лет назад Леонид Рассадин сообщил, что очерк «Витражи», который мы создали, он давал мне интервью по скайпу и телефону, прочитал в Америке, в Бостоне, Александр Сталбо, сейчас замредактора научного журнала, сын Любви Сталбо, которая является, как оказалось... и моей прямой родственницей. С нею пыталась связаться, но Любовь Сталбо умерла несколько лет назад в возрасте 104 лет. Она оставила несколько интереснейших, насыщенных именами, датами, встречами, фактами, очерков.

Они легли в основу дальнейшего осмысления и повествования. Моя младшая дочь Анна подзадорила: «Мама, тебе не хватило 104 лет жизни Любове Сталбо, чтобы познакомиться со своей такой интересной родственницей?!».

К этой веточке древа вернусь потом, ведь ее мама, племянница скрипача Адольфа Бродского, одесситка, известный советский литератор, переводчик, редактор и мемуарист. Родившись в Одессе, работала долгие года в Ленинграде, в новой прессе и литературе. Писательница и литературовед прошлого века Лидия Варковицкая (к ее наследию необходимо вернуться более детально) дружила и поддерживала в трудный момент Осипа Мандельштама и Надежду Яковлевну, известна публикацией произведений Мандельштама «Египетская марка», «Разговор о Данте»; Юрия Тынянова и многих других. Была дружна с Е.М. Тагер и с женой писателя И.Э. Бабеля А.Н. Пирожковой (их мужья были сокурсниками в Киевском коммерческом институте), дружила с Корнеем Ивановичем Чуковским. Она оставила о многих известных деятелях прошлого века книги воспоминаний. Перевела более ста стихотворений Генриха Гейне из циклов «Лирическое интермеццо». Ее сын, известный балетмейстер Владимир Варковицкий, и дочь Любовь Сталбо также писали мемуары... Благодаря ей вышла на цепочку выдающихся личностей – цвета литературы и культуры прошлого. Вернее, она, Любовь Сталбо, на меня и мой очерк «Витражи». В нем много о Китае тридцатых годов, Харбине, Шанхае, затем пути вели к Москве и далее... Все закольцовано... Рондо!..

Итак, продолжаю, подхватив, будто флешмоб, скрупулезные записи нескольких лет ранее, того попавшегося на глаза моей дальней родственнице Любове Сталбо исторического эссе.

Мария Андреевна Рассадина. Ее имя озвучивает ее мелодичный высокий голос – сопрано. Он еще звучит во мне. Ее фото видела с детства. Огромные черно-белые, но в сценических костюмах, кокошниках, украшенных росписью жемчугов и разноцветных камней, сверкали и манили всеми цветами на глянцевой поверхности. То в веночках и блестящих лентах, пышных перьях и воланах. Однажды в статье «Режиссеры уходят не в землю, а в пленку», опубликованной ранее в «Новом Ренессансе», о моем

режиссере В.Н. Левине, руководителе студии киноактеров, которую закончила, достала часть истории из закоулков памяти. Истории о жизни в Китае в 30-х годах прошлого века. О ее знакомстве там с Александром Николаевичем Вертинским, о возвращении его на родину, любимой жене Лидии Циргвава, рожденной в Харбине, где ее отец работал на КВЖД. (Там же Лидия Владимировна вышла замуж за Александра Николаевича Вертинского, а поздней осенью 1943 года семья Вертинских вернулась на родину, в Россию. И снова рондо – закольцовано. Дебют Лидии Циргвава в кино в роли птицы Феникс в фильме «Садко» произошел в картине Василия Левина, молодого тогда режиссера.)

В очерке писала о том, что Мария Андреевна, в молодости работая с мужем – главврачом КВЖД (эта аббревиатура знакома мне с детства) в Харбине, куда ее привезли младенцем из Красноярска, пела в кафешантане. Эта семейная легенда оказалась не совсем точна. Тотчас же позвонил мне мой кузен Леонид Рассадин и известным всей стране не потускневшим с годами задорным голосом, вещавшим на всю страну на ГостВ России, заметил, смеясь:

– Ты знаешь, а мама никогда в кафешантане не работала. Она пела... в опере!

Александр Вертинский приходил к ней в оперу, а она к нему в кафешантан, ресторан или другие эстрадные площадки, но это было уже в Шанхае.

Леонид переслал мне афишу одного из концертов мамы, на которой пишется, что она перед поездкой за границу выступает в опере «Евгений Онегин», исполняет партию Татьяны.

– Как же перед отъездом за границу, – удивилась я, – ведь Харбин уже и есть «заграница»?

– Да, конечно, но оттуда она отправлялась в поездку по Европе и в Японию, – пояснил Леонид. Ведь она жила уже в Китае давно. После смерти в Красноярске родителей ее в младенческом возрасте вывезла из Сибири в Харбин сестра. Она была замужем за поляком, работавшим машинистом на Китайско-Восточной железной дороге. Зарабатывали на КВЖД очень хорошо. Местные деньги не ценились, и, как вспоминала потом мама, зарплату выдавали слитками из чистого золота! В начале двадцатого века Харбин вовсе не походил на китайский город.

На тогдашних открытках с видами местных улиц на зданиях множество вывесок на русском языке. Да и по внешнему виду дома мало чем отличались от подобных в городах Сибири и Дальнего Востока. Большими тиражами выходили русские газеты. Дети сотрудников КВЖД учились в русских гимназиях. В городе было несколько православных церквей. Вместе отмечали праздники. Самыми любимыми были Рождество, Пасха и Масленица. Зимой шумными компаниями ходили на каток или катались на санях по замерзшей реке Сунгари. Дома часто ели пельмени. Их в течение нескольких недель лепили всей семьей, закладывали в мешки, которые потом опускали в погреба. Там же в бочках хранили квашеную капусту и соленые огурцы.

Харбин стал в те годы «малой родиной» для тысяч русских поселенцев, участвовавших в строительстве КВЖД, а затем оставшихся там работать. Были русские, которые неплохо владели разговорным китайским языком. Молодежь посещала языковые занятия. В мамином архиве даже сохранился пропуск на эти курсы с ее фотографией. (Многие родившиеся там уже хуже говорили по-русски, что потом отразилось на их судьбе. Об этом пойдет речь дальше.)

В 1933 году, будучи уже оперной певицей, Мария Рассадина собралась в творческое турне. Она училась у знаменитой преподавательницы оперного пения из Санкт-Петербурга М.В. Осиповой-Закржевской, которая высоко ценила ее лирико-драматическое сопрано. В городе царил творческая атмосфера. Было много артистов, которые объединялись в ансамбли, в оперные, балетные и цирковые труппы. Выступали перед неизбалованной восторженной публикой. Перед гастролями 1934 года – прощальные концерты в Харбине, а затем в Шанхае.

Последовал ряд ее выступлений в других китайских городах. Повсюду прием был восторженный. «Не голос, а человеческое сердце», – писала одна из газет. «М.А. Рассадина для своего прощанья с Харбином вполне правильно остановила свое внимание на «Евгении Онегине». Для Татьяны у нее много данных. Она прежде всего молодая русская девушка. Она сама Татьяна, которая, уже в силу своей собственной весны, близко соприкасается с этим любимым образом Пушкина. Публика не скупилась на аплодисменты. М. Рассадиной она презентовала целую оранжерею цветов».

Талантливой певице, обладавшей прекрасным лирико-драматическим сопрано очень красивого тембра, предрекали большой успех.

Но судьба дала испытания:

– Мама познакомилась в Шанхае с французом-врачом. На много лет старше ее. Они полюбили друг друга, но... – делится секретами Леонид.

– С французом личная жизнь не сложилась, – продолжает Леонид, – мама, уже беременная, выходит замуж за известного в Шанхае врача-одессита.

– Значит, оказывается, ты наполовину француз с одесскими корнями, – не преминула подчеркнуть.

Александр Вертинский. Вкусивший духа театральных подмостков, поскитавшись, много передавал из своего опыта не только в песнях-балладах, глубоко психологических историях жизни, любви, страданий, но много рассказывал о скитаниях до этого времени. Приехал в Шанхай Александр Николаевич, пройдя через эмигрантские «мясорубки»!.. Вначале Турция! Вспоминаются «Эмигранты» Алексея Толстого. Ужасающие условия. Черные рынки. Преступность и наркомания. И там, представляете, Александр Вертинский! Добравшись уже до Китая, оглядываясь назад на свой разноплановый черно-белый, как кино, путь, любит его осмыслять в кругу почитателей таланта. Свободными вечерами рассказывает, как он поселяется в Константинополе и выступает в «Стелле» и «Черной розе». Вначале у него был успех. Но жизнь эмигрантская ненадежна. Положение беженцев на глазах ухудшается. Если раньше были деньги, да еще привезенные из России, там приходится работать за тарелку борща. Все жили надеждами, что Россия возродится. Но ждать нужно было бы долго. В то время случай помог ему уехать из Турции, вначале в Румынию, затем турне по Бессарабии, где тоже много было русских. Они с восторгом принимали певца, что помогло ему заработать и двигаться дальше.

Путь его лежал через Германию. Здесь он выступал в Берлине, Дрездене, Данциге, Мюнхене, Кенигсберге. За окнами 1923 год. Страна в страшной инфляции. Ослабленная Версальским соглашением Германия бедствует. Люди голодали, преступали закон, заканчивали свою жизнь самоубийством.

Говорили, что в то время за американские доллары можно было бы купить собственное жилье и недвижимость в большом количестве, а за мешок немецких марок – всего несколько сотен долларов. Такая была страна за десятилетие перед приходом Гитлера к власти, и понятно, как многие бедовавшие и разуверившиеся в прежней политике жители встретили его бравурные марши и сладкие обещания. Не только гитлеровская клика стала причиной столь жестокой мировой войны. Но и обожание, и поддержка столь мирного и благодушного населения, оболваненного геббельсовской пропагандой. На голодный желудок и бездуховность что хочешь пойдет.

Из Германии Вертинский едет в Париж, где он провел в бурлящей творческой столице десять лет эмигрантской жизни. Он пел в небольшом ресторанчике «Казбек» на Монмартре. Иногда на его концертах бывали «высокие» гости: король Густав шведский, Альфонс испанский со своей свитой, принц Уэльский, король румынский, Вандербильды и Ротшильды, Морганы, а также король экрана – Чарли Чаплин, Марлен Дитрих, которой он даже посвятил свою песню «Марлен», Грета Гарбо. У всех был тогда, как и по сей день там, огромный интерес к русской песне, музыке. В Париже в то время гастролировали звезды русского балета: Анна Павлова, Тамара Карзавина, Михаил Фокин. Там он знакомится со знаменитым кинематографистом Иваном Мозжухиным и снимается в некоторых кинофильмах в Париже, в Берлине, в Ницце. Огромным событием становится знакомство там с Федором Шаляпиным, которое продолжается до конца дней великого оперного певца.

Отсюда на пароходе «Лафайет» осенью 1934 года Вертинский отплывает в Америку. Плывя по бурным волнам океана, пишет песню «О нас и о родине». Эта песня наделала много шума, даже в прямом смысле слова. Публика не везде однозначно принимает певца. Но он с ностальгической песней о своей родной стране концертирует по всему миру. (Привозит ее потом и в Одессу. Выступает в театре в Горсаду.) Однажды в Шанхае ему свистели, желая сорвать концерт. Не всем нравились русские песни в исполнении грассирующего шансонье. Но тогда на первом концерте в Нью-Йорке собрался весь цвет русской эмиграции и культуры: Сергей Рахманинов и Зилоти, Болеславский и Балиев, Рубен Мамулян. Принимали на ура и чуть, говорили, не разнесли театр, где

он выступал. На что певец скромно заметил, что аплодисменты относятся не к нему, а к его родине, о которой он поет.

Да, родина всегда с нами. Она, родина, сейчас как часть нашей семьи, постоянно пребывающая дома. Америка Вертинского утомляла. И хотя он выступал даже в Голливуде, где в то время была мода на русских исполнителей, он принимает решение – уехать!

И вот, наконец, в конце октября Александр Вертинский решает уехать в Китай. В страну, которая станет последней после долгих скитаний. Здесь, рядом с советской границей, когда он слушал последние новости из великой страны, занимавшей одну шестую часть суши, в нем поднималась гордость за свою родную прекрасную родину.

Надежда, что он тоже сможет быть ею востребованным. Неистребимое желание личности!

Мария Рассадина выступала в Шанхае. Они познакомились. Часто выступали в общих концертах вместе. Иногда она приходила к нему на концерты, а он к ней. Общались на клубных вечеринках. Они были, как бы теперь сказали, «тусовочные» люди. Прекрасно вписывались в эту среду и вели ее за собой. Отсюда началась ее большая дружба с выдающимися звездами советской эстрады. Публика в основном прекрасно принимала известного уже Пьеро, но у него уже иной сценический образ, фрак, бабочка... он много выступает перед русской «колонией».

В Китае, в ближайшем соседстве со Страной Советов, идущей по своему пути, всем постоянно мечталось-грезилось о родине. И хотя Вертинский здесь зарабатывал успех во всех ипостасях, уже и в денежном эквиваленте, ностальгия мучила. Он был широкой души человек. Познав лишения и нехватку семейного тепла, он страдал. Сердце рвалось домой. У нее тоже. Об этом мечтали все.

Леонид Рассадин обладает удивительной памятью. Будто только недавно все это происходило. А я, внимая ему, окунаюсь в атмосферу их жизни в эмигрантском Шанхае. В семье Леониду дали прекрасное воспитание, а мать заразилась желанием общаться с большой аудиторией, нести ей не только информацию, но и заряд творческой энергии и жизнелюбия. С этими составляющими Лео-

нид Рассадин не расставался всю жизнь. И мы увидели и услышали его слово, звучащее потом в Союзе. Звучащее на волне иновещания, радиостанции «Голос России», в телевизионных репортажах.

– Мама прожила достаточно долгую, потрясающую жизнь. До 87 лет, дай Бог каждому! Шанхайский этап ее жизни продолжался 13 лет. Он был наполнен многими драматическими событиями. В 1937 году Шанхай был оккупирован японцами. Этому предшествовали сильные бомбардировки города. Мама рассказывала, что и я чудом остался жив. Когда она меня кормила грудью, к счастью, вышла со мной в другую комнату, а снаряд в это время попал в кроватку. Впоследствии, когда я долгое время был корреспондентом в «горячих» точках мира – в странах Ближнего и Среднего Востока, мама повторяла, что первое боевое крещение получил в Шанхае, когда мне было всего несколько месяцев. И раз тогда остался жив, то ничего дурного не должно случиться ни на фронтах Ливана, ни Ирана, ни Афганистана, где бы я ни был корреспондентом!

В 1941 году в Шанхае проживала самая многочисленная в Китае русская колония. Некоторые, в том числе мама, имели на руках советские паспорта. СССР в то время не был в состоянии войны с Японией, и русские не подвергались преследованиям со стороны японских оккупационных властей. Отечественная война всколыхнула патриотические настроения многих людей. Активизировало свою деятельность Общество советских граждан в Шанхае, до сих пор функционирующее. При нем появился клуб, где давали концерты, сборы от которых пересылались в Советский Союз. Получив сертификат медсестры, мама и несколько ее подруг попросились на фронт. Письмо, направленное по этому поводу И.В. Сталину, так и осталось без ответа. Исключение (явно по политическим мотивам) было сделано только А.Н. Вертинскому и еще нескольким советским гражданам. Жили тогда люди ежедневными думами о происходившем на родине. В гостиной дома висела большая карта, в которую мы регулярно втыкали булавки с флажками, свидетельствующими о положении дел на фронтах. По радио ежедневно слушали сводки Совинформбюро. Их зачитывали по радиостанции, созданной активистами Общества советских граждан. Самыми популярными изданиями были журналы «Огонек» и «Крокодил». Крупные успехи Красной

армии всегда отмечались вывешиванием из окон квартир советского флага, который постоянно находился в углу комнаты. И не только у нас. Именно в те годы у мамы созрело бесповоротное решение выехать на историческую родину.

Неудивительна волна патриотизма, захватившая многих. Известно, что Александр Николаевич Вертинский получил один из первых, в самый разгар войны в 1942 году, советское гражданство. Он очень много написал прошений. Сталин высоко ценил уже в то время его искусство, его патриотизм. Знал о скитаниях и успехе в мире актера кино (!), русского автора и исполнителя романсов. Ценил его слово. «Ваши пальцы пахнут ладаном...» Это было созвучно вождю. На этом можно было заработать политический капитал. В ноябре 1943 года с трехмесячной дочерью Марианной Александр Николаевич приехал в Москву.

– Когда мы через пять лет также решили ехать и бросить якорь в родной для моего отчима Одессе, – интересный факт, подчеркивает Леонид, – по долгой, почти полгода дороге домой, через всю страну, через Казань как распределительный пункт для всех, приехали в Москву. Остановились в квартире Вертинского на улице Горького, которую он получил. Уникальная деталь, – смеется, – в то время уже родилась вторая дочь, Анастасия. Так уж получилось, но нас, детей, положили спать всех вместе. Я оказался спящим между такими будущими звездами – Марианной и Анастасией. В Москве пробыли всего несколько дней, рекомендовали «не задерживаться».

Но, видно, тогда Леонид заболел Москвой.

«Для меня не было другого выбора: куда поехать учиться. Ну конечно, в Москву! Куда? Ну конечно, в институт иностранных языков. На большие мои притязания, возможно, нельзя было рассчитывать в силу моей яркой биографии», – вспоминает.

О реальной возможности репатриации для многих стало известно сразу после окончания войны. Советское консульство в Шанхае распространило некое постановление правительства, в котором говорилось, что по возвращении в СССР репатриантам гарантируется личная безопасность. Всем будут предоставлены работа и жилье. Были составлены списки желающих. Оказалось несколько тысяч человек, которые пятью рейсами на теплоходе «Николай Гоголь» в 1946-1947 гг. отправлялись в дальневосточный порт Находка.

– Отлично помню морозное утро 13 ноября 1947 года, – продолжает Леонид, – когда пароход причалил к пристани. Вот оно, первое свидание с родиной! Встречало нас множество людей. Почти все они были в военной форме. Духовой оркестр исполнил гимн Советского Союза. Несколько часов ушло на оформление документов. Затем репатрианты стали по одному спускаться по трапу на берег. Люди от счастья не могли сдерживать слез. Ступив на родную землю, многие ее целовали. Среди них были также совсем молодые люди, которые рано лишились родителей. Окончив американские колледжи в Шанхае, они очень плохо говорили по-русски. К вечеру нас на открытых грузовиках повезли в бараки, где предстояло прожить какое-то время, чтобы определиться с дальнейшим постоянным местожительством.

Леонид вспоминает об эпопее с проживанием в деревянных бараках. О том, как, подъехав к воротам, они увидели, что эти помещения покидают... японские военнопленные. Заняв двухъярусные нары, люди стали устраиваться. Организовали дежурство у печек, чтобы поддерживать в них огонь днем и ночью. Для женщин оборудовали занавешенные простынями уголки, где те могли переодеваться. Назначены были ответственные за кипяток для приготовления чая. Но самым большим шоком для всех были неотопливаемые туалеты с толстым наростом льда повсюду. Все же никто не жаловался. Считали, что это временные трудности, вызванные разрухой в послевоенной стране. Главное – они были на родине!

Как сложились судьбы репатриантов из Китая? По-разному. В особенности пострадали люди, приехавшие в СССР в 1946 году в составе первых двух групп. Обвиненные в шпионаже, многие были расстреляны или угодили в концлагеря. Как в известной песне «Родина сапогами по морде нам!». За ч-т-о-о-о?! Информация об этом просочилась на Запад, репатриация была временно приостановлена. Но во второй половине 1947 года пароходные рейсы возобновились. Семья Рассадиных тоже рискнула. На родину возвращались остальные. Советские власти к тому времени стали опасаться громкой огласки о репрессиях в отношении «шанхайцев». Арестовывали уже выборочно.

– Оглядываясь назад, полагаю, что нам, как говорится, повезло, – вспоминает. – Маму в Одессе лишь несколько раз вызывали на допросы в компетентные органы. Она никогда не ругала страну. Политикой вообще не интересовалась. Наверное, это ее и спасло от «возмездия» системы. Певица, тем более! Ну что было с нее взять, если при первом же разговоре со следователем она призналась, что действительно была знакома почти со всеми на показанных ей фотографиях. А там были и командующий американскими ВВС на Дальнем Востоке генерал Клэр Ли Ченнолт, и западные дипломаты, и журналисты, работавшие в Шанхае, и множество других иностранцев, а также русских.

В Одессе первые полгода жили у моего дедушки, доктора Иоанна. Он – почти библейская личность, человек мира. Ему посвящен отдельный рассказ. На фотографии свадьбы моих родителей все вместе – счастливые, довольные, в кругу семьи, друзей.

«В бытность еще в Шанхае, – вспоминает снова Леонид, – у нас дома было немало патефонных пластинок. В том числе из Москвы. Их можно было купить в магазине, куда поступали товары из Советского Союза. Повышенным спросом они стали пользоваться в начале сороковых годов.

Клавдия Шульженко. Легенда! Именно тогда мама впервые услышала голос Клавдии Ивановны Шульженко. И кто мог предположить, что они познакомятся и сохранят свою большую дружбу на всю дорогу жизни? «Синий платочек» был созвучен маминим переживаниям и тревогам в связи с битвой за выживание.

Они подружились – Клавдия Ивановна, Мария Андреевна и моя мама Раиса Ивановна.

Возможно, моя младшая дочь Анна, родившись в Москве, училась в Одессе и Германии, проходила полугодовую практику в университете на севере Китая, продолжает учебу, будучи уже гражданином мира, как многие из нас. К счастью, интересуется своими корнями.

А кроны без корней не бывает.

Германия